

архивных документов в печатном виде» (М., 2022) об издании карт сказано больше, но по-прежнему нет ни слова о том, как быть с русскими географическими чертежами XVI–XVII вв.

1. Башнин, Н. В. Переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг.: Исследование и тексты / Н. В. Башнин. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2019 – 400 с.
2. Голубинский, А. А. Историк, ГИС и русские карты XVIII века / А. А. Голубинский [и др.] // Преподавание истории в школе. – 2012. – № 8. – С. 72–75.
3. Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / подгот. Д. А. Черненко, А. А. Голубинский, Д. А. Хитров. – Тула : Аквариус, 2016. – 760 с.
4. Грязнов, А. Л. Картографирование территории Белозерского, Вологодского и Пошехонского уездов по материалам писцовых описаний XVI–XVII вв. / А. Л. Грязнов // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XVII веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. – М. , 2008. – С. 107–113.
5. Грязнов, А. Л. Суздальский уезд в первой трети XVII в. Атлас. / А. Л. Грязнов. – Владимир : Транзит-ИКС, 2014. – 36 с.
6. Кивельсон, В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. / В. Кивельсон. – М. : НЛО, 2012. – 357 с.
7. Кусов, В. С. Московское государство XVI – начала XVIII века: Сводный каталог русских географических чертежей. / В. С. Кусов. – М. : Русский мир, 2007. – 699 с.
8. О составлении каталога русских географических чертежей XVI–XVII вв. / В. С. Кусов // Археографический ежегодник за 1989 год. – М., 1990. – С. 65–71.
9. Кусов, В. С. Чертежи Земли Русской XVI–XVII вв. : каталог-справочник. / В. С. Кусов. – М. : Русский мир, 1993. – 375 с.
10. Мильчик, М. И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков: Статьи 1973–2017. / М. И. Мильчик. – СПб. : Коло, 2017. – 376 с.
11. Мильчик, М. И. Каргополь: Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. Документы и графические реконструкции / М. И. Мильчик. – СПб., 2008.
12. Мильчик, М. И. Старая Ладога: Очерк градостроительной истории. Графические реконструкции и документы. / М. И. Мильчик. – СПб., 2014.
13. Мильчик, М. И. Тихвин: город позднего русского Средневековья. Очерк градостроительной истории. / М. И. Мильчик. – СПб., 2017.
14. Резникова, Т. В. Чертеж владений Сийского монастыря по рекам Кулой и Сояна в материалах фонда 1196 «Антониев-Сийский монастырь» (РГАДА) / Т. В. Резникова // Поморские чтения – 2023.
15. Рыбаков, Б. А. Русские карты Московии XV– начала XVI века. / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1974. – 111 с.
16. Темушев, В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в.: Территориальные трансформации в пограничном регионе / В. Н. Темушев. – М. : Квадрига, 2009.
17. Темушев, В. Н. Московское великое княжество: территория и границы в конце XIII – первой половине XIV в. / В. Н. Темушев. – М. : Квадрига, 2022.
18. Фролов, А. А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования / А. А. Фролов. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2017. – 648 с.
19. Фролов, А. А. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Т. 1–3 / А. А. Фролов, Н. В. Пиотух. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2008.
20. Хитров, Д. А. Нечерноземный центр России в материалах Генерального межевания / Д. А. Хитров, А. А. Голубинский, Д. А. Черненко // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2011. – № 2. – С. 255–259.
21. Яковлев, В. О. Первая Исаакиевская церковь (1707–1727) в документах и свидетельствах Петровской эпохи / В. О. Яковлев. – СПб. : Исаакиевский собор, 2022. – 182 с.

Пушкарёва Н.Л.

УСТНЫЕ ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ КАК РЕСУРС ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЗАКРЫТЫХ СОВЕТСКИХ НАУКОГРАДОВ В ГОДЫ ОТПЕПЕЛИ¹

Нарратологический поворот, случившийся в гуманитарных науках полвека тому назад, убедил: функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их повествовательной (нарративной) природы [1]. Поэтому обращение к сравнительно недавней истории страны – исследованию обыденной жизни больших и малых советских городов в годы самых больших надежд и убеждения в правильном направлении социально-политического развития страны (то есть в 1950-е – 1960-е гг.) заставляет пытаться понять строй мышления наших соотечественников того времени именно через их рассказы. Это резко повышает значимость *устных историй*, не попавших на страницы воспоминаний или напечатанных интервью. Не секрет: женская память в этом отношении более избирательна и имеет свое своеобразие: женщины лучше мужчин запоминают детали эпизодов и описывают их (вербальная эпизодическая память), быстрее заявляют о готовности воспоминать и соглашаются на сам разговор [2, с. 132], точнее датируют воспоминания и используют более эмоциональные термины при их описании [3, с. 831–843; 4, р. 498–510; 5, р. 107–114]. Эти особенности заставили нас инициировать лонгитюдный проект, нацеленный на изучение женской памяти о периоде политической Оттепели (*поддержанный РНФ N 22-28-01428*). Велика роль в его реализации Общедоступного портала устных рассказов о городах России (Народная история России), а также сбор нами неструктурированных биографических интервью, в которых сами респондентки выделяли главное, а для нас был особенно важны воспоминания о жизни в годы так называемой Хрущевской оттепели.

¹ Подготовлено в рамках Программы НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования: социально-исторические и культурно-антропологические перспективы».

Характерной чертой «оттепельного времени» было возникновение множества новых городов. Они строились вокруг крупных предприятий и научных центров, получив впоследствии название наукоградов. Одним из них был город Жуковский, который по праву можно назвать *аэриаградом*: он был создан для советских авиаторов, создателей и разработчиков авиационной промышленности. Начало превращению дачного поселения Отдых в рабочий поселок, получивший имя шахтера-передовика Стаханова (для тех, кому было поручено строить там аэродром) было положено еще в довоенное время. После войны Стаханово притянуло к себе значительные научные силы в связи со строительством новых НИИ. Уже в 1947 г. оно стало авиаградом, носящим имя основоположника современной аэродинамики Н.Е. Жуковского; через 60 лет – в 2007 г. Жуковский получил статус наукограда.

Первые два послевоенных десятилетия кажутся нам наиболее интересными для изучения с точки зрения сохранности исторической памяти – время было во многих смыслах примечательное, и многие вспоминали его как годы расцвета надежд и общего социального оптимизма. Позитивный настрой тогдашнего советского общества исследователи связывают с политической либерализацией, отходом от директивности, ослаблением бессмысленной всеохватывающей секретности и самоизоляции, преодолением творческого коллапса деятелями культуры, массовым жилищным строительством и, конечно, крупными ассигнованиями на науку [6, с. 691]. Нам же представляется важным рассмотреть рождение социального оптимизма тех десятилетий «снизу». Чем и как запомнилось то время перемен? Как запечатлелись в памяти жизненные трудности и их преодоление, ведь акторами, творцами тех перемен были обычные люди, а когда мы размышляем об обыденном быте, – обычные женщины. Возникновение и становление новых поселений, превращавшихся в наукограды, происходило не только благодаря выдающимся ученым мужам, смело уезжавшим из привычных столичных условий, чтобы создавать НИИ и проектные группы с нуля, но и благодаря менее заметным в этом процессе женщинам – женам ученых и самим научным работницам, обеспечивавшим повседневное существование поселений как домашнее, так и профессиональное.

Память об этой стороне жизни новых городов, возникших в годы Оттепели, пока остается белым пятном в исследовательском поле социальной истории СССР середины XX века, хотя отдельные попытки обращения к ней имеются и в российской [7, с. 9–54; 8, с. 25–67; 9, с. 425–432], и в зарубежной историографии [10; 11]. Случайные замечания в устных женских историях других, «старых» городов о том, что в новых советских наукоградах было спецснабжение, особая корпоративная культура и жизнь [12], заставили нас сформулировать рабочую гипотезу о новых советских городах как локалах рождения особого социального оптимизма.

Для подтверждения гипотезы пришлось не просто ознакомиться с опубликованными интервью и воспоминаниями старожилов с добавлением информации из периодической печати, справочной литературы, делопроизводственной документации. Важней оказалась попытка вскрыть глубинные пласты социальной памяти, прежде всего женской – собрать устные истории респонденток с правомерным уходом в их приватный эмоциональный мир, в котором велик вес личных забот, тревог и переживаний. В изучении обыденных практик, при историко-антропологическом измерении социальных процессов важнейшими как раз и оказались не сухие «объективные факты» нормативных документов и отчетов, но субъективная правда жизни. Ее вариативность в разных жизненных историях и есть тот ценный ресурс, который можно использовать, выявляя типичу и стараясь генерализировать отдельные жизненные случаи, помня в то же время об этом первом уровне субъективации. Второй уровень субъективации (помимо принципиального выделения устных женских рассказов в качестве важнейших в иерархии источников) – сбор материала не только и не столько у самих переживших становление города женщин старшего возраста (многие просто не дожили, поколение 1930-х гг.), сколько у их дочерей (1945–1960-х гг. рождения), отлично помнящих свое детство и дополняющих рассказы матерей.

1. Нарратология: основы, проблемы, перспективы : материалы к спецкурсу / сост. Е. Г. Трубина // Уральский Федеральный университет. – Режим доступа: www.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses/narratology.html.
2. Loprinzi, P. The Role of Sex in Memory Function: Considerations and Recommendations in the Context of Exercise [Electronic resource] / P. Loprinzi, E. Frith // Journal of Clinical Medicine. – 2018. – № 7(6). – P. 132. – Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6028920/>.
3. Skowronski, J. J. Social memory in everyday life / J. J. Skowronski // Journal of personality & social psychology. – 1991. – № 60. – P. 831–843.
4. Davis, P. J. Gender differences in autobiographical memory for childhood emotional experiences / P. J. Davis // J. Personal. Soc. Psychol. – 1999. – № 76. – P. 498–510.
5. Herlitz, A. Sex differences in episodic memory / A. Herlitz, J. E. Yonker // J. Clin. Exp. Neuropsychol. – 2002. – № 24. – P. 107–114.
6. Луковцева, Т. А. Оттепель / Т. А. Луковцева // Большая российская энциклопедия : в 35 т. – Т. 24 (Океанариум – Оясю). – М. : БРЭ, 2014. – С. 691.
7. Пушкарёва, Н. Л. История повседневности: Предмет и методы / Н. Л. Пушкарёва // Социальная история. Ежегодник, 2007. – М., 2008. – С. 9–54.
8. Белова, А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности / А. В. Белова // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 25–67.
9. Пушкарёва, Н. Л. «Все давалось большим трудом и при любой погоде»: женская память о бытовой неустроенности в послевоенном новом советском городе 1950-х гг. / Н. Л. Пушкарёва, А. В. Жидченко // Via in tempore. – 2022. – Т. 49. – № 2. – С. 425–432.
10. Boym, S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia / S. Boym. – Harvard University Press, 1994. – 368 p.
11. Ilić, M. Women in the Khrushchev era / M. Ilić, S. Reid, L. Attwood. – Basingstoke, Hampshire ; New York : Palgrave Macmillan, 2004. – 254 p.
12. Пушкарёва, Н. Л. «Таёжные ленинградки»: повседневная жизнь жительниц Ангарска 1950–60-х гг. / Н. Л. Пушкарёва, А. В. Жидченко, С. И. Белов // Вопросы истории. – 2022. – № 3. – С. 95–104.